

Е. К. ИНОТРОВСКАЯ

ПИСЬМА А. И. СОБОЛЕВСКОГО
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ
В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ
1917—1919 гг.^а

В кругу научных единомышленников и почитателей Н. П. Лихачева А. И. Соболевскому принадлежит особое место. Достаточно напомнить лишь факт его участия и поддержки в движении Н. П. Лихачева и академики. Вместе с известными академиками Е. Ф. Карским, С. Ф. Платоновым, В. Н. Перетисем А. И. Соболевский составлял «Записку об ученых трудах Н. П. Лихачева».¹ В ней анализировались основные направления научной и собирательской деятельности ученого. И тогда же, еще при его жизни, была дана высочайшая оценка его знаниям, научной интуиции, таланту археографа и коллекционера не только российского, но и европейского уровня.

Сам академик А. И. Соболевский был также ученым, посвятившим всю свою жизнь и силы души своей на благо служения науке о древностях. А. И. Соболевский (1857—1929) родился и умер в Москве, учился в Москве — на историко-филологическом факультете университета у Ф. Н. Бусласова, Н. С. Тихомирова, А. Л. Дювернуа. Научные его интересы чрезвычайно многообразны: история старославянского и русского языков, диалектология, палеография, этнография, топонимика, ономастика, история русской литературы. Одним из главных направлений его научной деятельности было изучение переводной древнеславянской и древнерусской письменности домонгольской поры и московского периода. Он оставил богатое научное наследие, многие его теоретические и конкретно-исторические работы не устарели и по сей день. А. И. Соболевский хорошо знал собрания рукописных хранилищ, многие уникальные рукописи, обладал редкой памятью и аналитическим складом мышления, что

^а Работа выполнена в рамках проекта «Архивы русских славянствоведов», отч. рук. чл.-корр. РАН И. П. Медведев.

¹ См. Известия АН СССР. № 18. Сер. VI. Т. XIX. Л., 1925. С. 844—858. Заключительные слова записки гласили: «...Н. П. Лихачев является выдающимся ученым в целом ряде научных дисциплин, которые разрабатываются в 2-м и 3-м Отделениях, и для того и для другого будет полезным и желательным работником».

позволяло ему ориентироваться в безбрежном море славяно-русского письменного наследия.²

Его личная и творческая жизнь была, кроме Москвы, связана с Киевом, где он читал лекции в университете св. Владимира в 1882—1884 гг., и Петербургом, где он также преподавал в университете и Археологическом институте (1888—1908). В Петербурге А. И. Соболевского избрали и в Императорскую Академию наук в 1900 г. А. И. Соболевский собрал уникальную научную библиотеку и коллекцию копий и калек драгоценнейших памятников письменности. Но, к сожалению, книги и архив А. И. Соболевского не сохранились. Как и у многих его современников, революционные события 1917 г. коснулись его библиотеки и бумаг так, что ничего не уцелело! Для подтверждения принодим текст письма-обращения историка церкви И. С. Пальмова (1856—1920), близкого для А. И. Соболевского человека, написанного в 1918 г.:

«Профессор И. С. Пальмов в жилищный отдел Петрограда.

Квартира моя (Нескский пр., д. 182, кв. 9) состоит из 4-х комнат и кухни. Постоянно живут в ней 2: я, профессор, имеющий право по декрету занимать две комнаты, а одну комнату занимает заведующая хозяйством. Четвертая же комната — проходная, заставленная сплошь книгами, которыми наполнены и остальные жилые комнаты, даже коридоры и передвики. Книги эти принадлежат не столько мне, но и тому учреждению, в котором я служу (Российской Академии наук). За целостность их я отвечаю.

Квартирой моей пользуется также приезжающий из Москвы на заседания Академии Наук действительный член Академии А. И. Соболевский, у которого реквизированы его квартиру на Пушкинской ул., д. 15, кв. 5 в отсутствие его из Петрограда.

Итак, моя квартира фактически находится в пользовании 3-х лиц. Имеет три охраняемых свидетельства: 1) от Смольнинского жилищного отдела; 2) Комиссариата народного Просвещения и 3) Российской Академии Наук.

Профессор И. С. Пальмов»³

² В приветствии учеников и почитателей к «Сборнику статей в честь Алексея Ивановича Соболевского», изданному в Ленинграде в 1928 г., дана высокая оценка научной деятельности ученого: «Ваша подыскаковая научная работа по истории славянской вообще и, в частности, русской филологии обогатила науку во всех ее отраслях, куда заглядывал Ваш широчайший взор».

До Вас были попытки охарактеризовать особенности древнерусского языка, но Вам принадлежит бесспорно честь быть первым историком его. Вами создана русская палеография как система знаний. Вы объединили материал и построили схему русской диалектологии как древнего времени, так и нового, положили твердую базу для дальнейших исследований. В области славянской филологии Вы значительно углубили сведения. Вашими предпринятиями и открытиям науке ряд ценных наблюдений, гипотез и выводов. Русская этнография обязана Вам, кроме единственного в своем роде свода великорусских песен, — рядом остроумных и значительных по содержанию, несмотря на краткость, исследований и статей. История русской литературы, как древней, так и новой, — всегда занимала Вас; но и особенности важны Ваши работы для освещения периферий литературы домонгольского и московского периода. Не мало времени и сил отдали Вы изучению problems славянской и русской археологии, в частности же — древнерусскому искусству (Сборник ОРЯС АН, Т. СІ, № 3, С. 1—11).

³ Текст цитируется по публикации его в кн. «Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Рус-

Вскоре, однако, подобная участь могла постигнуть и библиотеку, и архив самого И. С. Пальмова. Так, сохранилось письмо И. Е. Евсеева (1868—1921) от 6 декабря 1920 г., профессора Петербургской Духовной академии, члена-корреспондента АН, к А. Бриллиантову, также профессору Петербургской Духовной академии: «С глубокой грустью получил я известие о неожиданной кончине незабвенного И. С. Пальмова. Не стало большого исторического человека, не стало справедливой души, рухнула одна из важнейших столпов нашей старой Академии <...>. После И. С. Пальмова осталась библиотека и переписка (подчеркнуто И. Е. Евсеевым. — *Е. П.*). Хорошо было бы, если бы это попало в надежные руки. Будьте здоровы. Преданный Вам И. Евсеев».⁴

И только отдельные бумаги и письма А. И. Соболевского сохраняются в государственных хранилищах РГАЛИ (ф. 449), Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук (бывшем ЛОА АН СССР, ф. 176). Возможно, что отдельные документы и письма Алексея Ивановича могут находиться в составе личных архивов отечественных ученых и в России, и за рубежом. Так, в частности, в архиве известного слависта Т. Д. Флоринского (1854—1919) находится более 90 писем А. И. Соболевского, относящихся к 1891—1919 гг. (в 1919 г. Т. Д. Флоринский был расстрелян ВЧК).⁵ С Т. Д. Флоринским, ректором и профессором Киевского университета св. Владимира, А. И. Соболевского связывала многолетняя дружба, возникшая еще в годы его преподавания в Киеве. Связывали их прежде не только научные интересы в области изучения культуры и истории славянства, и не только его древних судеб, но и современных им событий: войны на Балканах второй половины XIX—XX в. Тема переписки А. И. Соболевского и Т. Д. Флоринского в истории русской науки и истории отечественного славяноведения должна быть предметом специального исследования. Частично отдельные ее аспекты были рассмотрены мною в докладе, прочитанном в мае 1994 г. на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского Археологического института в Константинополе.⁶ Ниже мы публикуем

ской Православной церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства, 1888—1932 / Сост. автор предвд., послесл. и комм. Мария Скурица. СПб., 1994. С. 253.

⁴ Там же. С. 295—296.

⁵ Часть архива Т. Д. Флоринского хранится в РНБ (ф. 318). Существует машинописная опись фонда, исполненная в 1960 г. главным библиотекарем Т. Вагановой. Фонд насчитывает 655 ед. хр., расположенных на 12483 л. Поступил в РНБ в 1927 г. (см.: Краткий отчет рукописного отдела за 1914—1938 гг. Л., 1940. С. 230). Аналитический обзор документов архива Т. Д. Флоринского из РНБ, представляющего, по существу, часть огромного семейного архива, заслуживает подробного изучения. Сведения о расстреле Т. Д. Флоринского ВЧК в 1919 г. похищены из публикации Л. Бурцева «В. Б. Моухин. После 25 октября» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 97).

⁶ *Львовская Е. К.* Письма А. И. Соболевского из архива Т. Д. Флоринского, хранящиеся в Российской национальной библиотеке // Русское византийское славяноведение: Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского Археологического института в Константинополе. (Санкт-Петербург, 24—26 мая 1994 г.). М., 1994. С. 110—113.

лишь три письма из обширной переписки ученых, которая хранится в фонде Т. Д. Флоринского в РНБ. Один из основных мотивов этой переписки — размышления о судьбах русской науки, интеллигенции, культуры, о грядущей революционной катастрофе. Соболевский как ученый, тесно связанный своими научными интересами с культурой и письменным наследием христианского предания и традицией, обостренно чувствовал все перипетии, выпавшие на долю России, предугадал трагедию народа. Он не принял идеалов революции, особенно остро переживал новые веяния в университетской и студенческой среде и уже в 1908 г. принял решение уйти из университета. Но до конца своей жизни Соболевский был связан с Академией наук. В 1914—1920 гг. он становится председателем Петербургского славянского благотворительного общества. Был членом Союза русского народа.

Попытка рассмотреть политические взгляды А. И. Соболевского в период революций 1905—1907 и 1917 гг. была предпринята в исследовании Т. А. Ивановой.⁷ Однако в целом роль А. И. Соболевского в истории общественного движения России не изучена. Это связано в значительной степени с тем, что, как отмечают исследователи, «дело не только в том, что правое движение слабо изучено, но и в односторонности и неаргументированности некоторых оценок и характеристик, встречающихся в литературе».⁸ В публикации Ю. И. Кирьянова, основанной на использовании специального фонда Перлюстрации Департамента полиции МВД, а также дел Особого отдела Департамента полиции, которые хранятся в ГАРФ (бывшем ЦГАОР СССР), использованы лишь фрагменты переписки правых деятелей общественного движения России, ограниченные временем лета 1915—февраля 1917 г. Как пишет Ю. И. Кирьянов, «конечная дата не нуждается в обосновании. Что же касается начальной, то она также вполне привомерна, так как именно к этому времени относилась активизация правых, нарастающая в подготовке совещаний, съездов, как противовеса уже состоявшимся съездам общественных организаций».⁹ Исследователь также отмечает, что материалы рассматриваемого фонда в публикациях, посвященных истории правого движения, не использованы.¹⁰ Мы же, со своей сто-

⁷ См. гл. 4, написанную Т. А. Ивановой в кн.: Русское интеллигентство в Петербурге. Ленинградское университетство / Под ред. проф. И. А. Междерского. Л., 1971. С. 44—63. См. дополнительно статью об А. И. Соболевском, написанную Р. М. Цетлин для Гибридно-биографического словаря: Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 311—313; в также предисловие, написанное А. А. Лужевским к кн.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 1—20.

⁸ См., напр., публикацию Ю. И. Кирьянова «Правые в 1915—феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 14. М.: СПб., 1993. С. 145—225). Здесь же приведена обширная библиография изданий и исследованных материалов по истории вопроса.

Во время редакционной работы над статьей вышли еще одна публикация Ю. И. Кирьянова: Местные организации правых партий в России накануне февраля 1917 г. // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 52—59. В публикации использованы материалы дела ф. № 102 ГАРФ, в котором хранятся донесения губернских жандармских управлений о деятельности местных организаций правых партий. Имя А. И. Соболевского в документах не упоминается.

⁹ Кирьянов Ю. И. Правые в 1915—феврале 1917 г. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 148.

ропы, должны заметить, что писать историческое исследование, используя перлюстрированные материалы, прежде всего неэтично, а факт использования фрагментов переписки, избранных ее мест, с точки зрения полнейшего сыска не может в должной степени осветить объективную картину истории общественных движений. Да и сам автор осознает определенную идеологическую направленность своей публикации, подчеркивая, «что при отборе материала для публикации предпочтение отдавалось письмам общественно-политического звучания и тем письмам, которые воссоздавали канву движения правых. Обращалось также внимание на то, чтобы и „тематически“, и географически движение правых было представлено достаточно всесторонне».¹¹

С именем А. И. Соболевского в публикации Ю. И. Кирьянова связаны пять перлюстраций из писем. Первая — из письма М. А. Орфенова к А. И. Соболевскому от 12 июля 1915 г.; вторая — из письма А. И. Соболевского к Ю. А. Кулаковскому от 28 августа 1915 г.; третья — из письма Ю. А. Кулаковского к А. И. Соболевскому от 17 ноября 1915 г.; четвертая — из письма А. И. Соболевского к М. А. Орфенову от 3 января 1917 г.; пятая — из письма Ю. А. Кулаковского к А. И. Соболевскому от 6 января 1917 г.

Таким образом, публикуемые нами письма хронологически завершают цепочку трагических событий истории России 1917—1919 гг. Три даты, важные для этих дней: 29.VI.1917 (после февральских событий), 4.I.1918 (наступивший Новый год после Октябрьского переворота) и, наконец, март 1919 г. Этот короткий временной отрезок, менее двух лет, включает в себе такие глобальные изменения в российской истории, которых для другого государства хватило бы на столетия. Прежде всего из писем Алексея Ивановича мы узнаем о политической обстановке в стране, о событиях городской жизни Петрограда, Москвы, Киева, о культурной и научной жизни, о тяготах быта, которые выпали на долю профессорско-академической среды, не знавшей ранее тяжелого физического труда и борющейся за выживание. Все письма пронизаны болью и тревогой за судьбу России. Отдельные их строки, на наш взгляд, по своим художественным образам и описаниям не уступают стихам А. А. Блока, прозе В. В. Набокова и Б. Л. Пастернака (хотя немало и таких строк, которые содержат резкие, подчас раздражительные характеристики своих политических оппонентов).

Трагедия и духовные искания русских ученых начала XX в., по-видимому, отразившись в большей степени именно в их эпистолярном наследии. И только когда эта нередко чудом уцелевшая переписка будет опубликована и изучена и с точки зрения истории общественного движения, и с точки зрения истории русской культуры, картина истории историко-филологической науки России предстанет во всей полноте.

Последнее из публикуемых писем А. И. Соболевского от 3.III.1919 кончается словами: «...все тяжелее и тяжелее жить». Как теперь

¹¹ Там же. С. 149.

стало известно, через некоторое время А. И. Соболевский был арестован, но вскоре отпущен.¹² И хотя впервые была еще зима страшных голодных дней 1919—1920 гг., которые унесли жизни многих русских ученых и о которых святейший патриарх Московский и всяя России Тихон писал: «...В Патриархате у нас холодно и голодно. Нередко живу жизни пахать, а холода — заботы и деревенский дом»,¹³ Алексей Иванович не отошел от своих научных интересов и занятий. Он остался в России. В письме к Б. М. Ляпунову, одному из своих учеников и последователей, от 19.IV.1920 писал: «Я порядком одряхлел (64 год идет!); ноги работают лениво; уши слабеют; но чувствую себя бодрым и работаю в множестве (верно!) направлений: пишу, рублю, копаю, покупаю, продаю, преподаю, делаю доклады, пишу, читаю и т. д. <...> После завтра будет заседание [Славянской] комиссии <...> [Археологического] о-ва. Доклад делал я — о некоторых племенных и местных названиях у багг. славян. Не жду слушателей в большом числе <...>. При отсутствии [трамвайного] движения, в будни трудно ожидать прихода членов более 5 чел., живущих поблизости».¹⁴

Последние годы жизни А. И. Соболевский снова тесно связан с Академией наук, увлеченно работает над проектом Словаря древнерусского языка. Вотистину «посеянное в тернии означает сплывающих слов» (Марк 4: 18).

Ниже мы публикуем тексты писем А. И. Соболевского по правилам современной орфографии и пунктуации. В ряде случаев публикации снабжены археографическими комментариями, обозначенными буквами русского алфавита, и комментариями исторических лиц, обозначенными арабскими цифрами.

¹² См. также в настоящем издании: *Киздрова Н. В.* Из истории гуманитарных наук в России (1917—1925 гг.). По материалам письма к академику Н. П. Кондакову. В статье приводится цитата из письма А. И. Соболевского к Н. П. Кондакову из Москвы в Прагу от 23 мая 1919 г.: «Когда я был освобожден, я сейчас же возобновил свои связи с Археологическим институтом и А. И. Успенским, был приглашен читать лекции по-прежнему и объявил курс по истории русской культуры <...>. Слушателей в натуре, можно сказать, совсем нет <...>. По возможности работаю, но книг мало и доставать [их] не легко <...>» (с. 271).

¹³ Из письма патриарха Тихона Н. С. Павлову от 6 декабря 1919 г. Цит. по изд.: *Свездт избранный*. С. 278.

¹⁴ Цит. по: *Русское языковедение*. С. 63.

1. Письмо без конверта, написано с пометками рукой А. И. Соболевского. По видимому, случайно (?) письмо в разобранном архиве Т. Д. Флоринского находится после письма от 24/II 1907 г. и до письма от 30/IX 1907 г. На обороте л. 91 — карандашная пометка; л. 70 — след другой пагинации (?), но шифра 70 в перевернутом виде.

Дорогой Тимофей Дмитриевич!

Спасибо за весточку. Я Вам давно не писал, но сведения о Вас за последние месяцы получал довольно часто из разных источников,

¹В ркн. *от.* л. зачеркнуто рукой А. И. Соболевского.

между прочим от Ю[лиана] А[ндрееви]ча.¹ Да и Вы обо мне, вероятно, кое-что слышали, так как Ю[лиану] А[ндрееви]чу я писал не раз. Времена тяжелые, и я, признаться, боюсь надоесть своими письмами.

Мы переживаем в полном смысле слова смутное время. У нас в Москве как будто еще потише, а в Петрограде и у нас, в Киеве, бури. Петроградский гарнизон, часть которого совершила преступление, проиграла набегшие офицеров, а затем политический переворот, «окопался и пилу» и боится высочивать нос за Петроград, предполагая, что может попасть под следствие и суд, а даже — под тяжелое наказание. Отсюда чрезвычайная нервозность петрогр[адецкого] солдатства, его способность уцепляться то тем приглашаемым, то другим. Прибавьте усердную работу чрезвычайно многочисленной в П[етрогр]аде германской агентуры, представители которой находятся во всех слоях населения². Я бы не удивился, если бы мне сказали, что такой-то мой коллега по Ак[адемии] н[аук] работает на Германию; я знаю, что в русском ученом мире герм[анская] агентура несомненно существует. Киев со своим украинством всегда был спокойным городом, но в настоящий момент можно было ожидать, что военные власти будут держать несвоенное население в руках. И вдруг у нас и Украинская Рада, и Универсал, и только что не отделение от России, с особыми министрами! Удивляюсь, как еще не назначили министра нар[одного] просвещения, а то положение Василенко и Науменко стало бы почти тригггерским. Но меня удивляет молчание Багалая и К^о, вообще украинцев харьковских. Пахнет недоверием Грушевскому.² Во всяком случае, в украинстве глухой, но значительный раскол, вспышка между собой должна быть, по моему мнению, скоро. А вот доживем.

Дороговизна и недостатки и здесь, и в Москве, жестокие. Рубль обесценивается, и его швыряют, как недавно пятакки. Положение пенсионеров критическое, тем более [что] доходы от ренты и вообще от % бумаг грозят чрезвычайным сокращением. Не только наступление, но и мир нам не может помочь (а он будет скоро: Германия совсем бессогла и готова на большие уступки). Наши новые хозяева, прогрессивный Блюх и социалисты оказались людьми не только не честными, но и неумными, и неспособными. Нужны деньги, но дилане печатания кредиток они⁶ не идут, хотя печатание одной кредитки, даже рублевки в нас обходилось государству в 57 к., а теперь, вероятно, обходится еще выше. Зато хамства хоть отбавляй. История свержения моск[овского] м[етрополи]та Макария (святого старичка, всеми уважаемого) обер-прок[урором] Львовым одна многого стоит. Жизнь трудно и в недалеком будущем станет чрезвычайно трудно. До сих пор я не мог работать, но теперь начинаю покоряться судьбе и принимаю⁷ отряхнуть пыль со⁸ старых

⁶В ркп. *населения*, х завернуто рукой А. П. Соболевского. ⁷*Они* вставлено над строкой рукой А. П. Соболевского. ⁸*Оте[ц]* вставлено над строкой рукой А. П. Соболевского. ⁹*Со* вставлено над строкой по перерисованному.

¹ Кулаковский Юлиан Андреевич (1861—1919) — историк античного времени и Византии, профессор Киевского университета им. св. Владимира.

² Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1934) — историк и литературовед.

тетрадок. Может быть, удастся найти сколько-нибудь утешения и забвения.

Видел как-то Алексея А-ча. Он человек ловкий и некоторое время держался на старом месте. Но, конечно, очередь и до него дошла: Сытин обзаял ему место в своем издательстве. Но издательство стало трещать и едва ли не закончит свою деятельность в скором времени. Он не прочь пописывать, но где теперь подходить газеты? Я выписываю (ради украинства) «Киевлянин» и вижу, что он трещит и, несмотря на экономию, едва ли перейдет в 1918 г. («Свет» на днях должен был прекратить свое существование). Мадан Шульгина, очевидно, много работает сама; муж¹ (должно быть, большая дрянь) тоже старается по мере сил, но и при своих статьях им приходится давать совсем жидкий, убогий листок. Славянское О^{во} (Петрогр[ада]) как бы приостановило свою деятельность. Даже обычного весеннего общего собрания не было; даже наборов части членов совета (согласно Уставу) не произведено; все отложено на осень; не знаю, что будет осенью. Лазарет на Солунском фронте О^{во} по-прежнему содержит; но это радости не доставляет, так как письма из лазарета в О^{во} и обратно приходится получать месяца через 3—4 после отправки. Единственное, что утешает, это то, что деньги у О-ва, конечно, в написанных рублях и % бумагах пока есть.

Преданный Вам А. Соболевский
Нижайший поклон Вере Ивановне
29.VI.1917

(РНБ, ф. 818, № 302, л. 91—91 об.)

¹ Вписано над строкой рукой А. И. Соболевского.

² Шульгина Василий Витальевич (1878—1976) — публицист, политик.

II. Письмо без конверта, как и предыдущее письмо от 29/VI 1917 г., в разобранном архиве Т. Д. Флоринского находится после письма от 16/XII 1907 г. и перед письмом от 5/III 1908 г.

Такое совпадение в двух случаях наводит на мысль, что первый исследователь, разобравший архив Т. Д. Флоринского, мог специально подложить письма в таком именно порядке, нарушив историческую последовательность событий, и тем самым на долгое время убрать строки с цензурными характеристиками через историю 1917—1919 гг. от будущегоного ока цензуры, оставив возможность дальним потомкам судить о нравах времени.

Дорогой Тимофей Дмитриевич!

С Новым годом старого счастья! Давно я собирался Вам написать о себе, но снежные вьюги и вьюги останавливали. Теперь, когда наша Русь идет сама на себя, почти движется с архаической быстротой. Даже из Петербурга, который находится в тех же руках, что и Москва, я недавно получил письмо через Ю дикой после его отправления. А что говорить о Киеве? Ведь Вы теперь — украинец или, по крайней мере, малорус, сколько я знаю из романа Вишниченко¹

¹ Вишниченко Владимир Кириллович (1880—1951) — украинский писатель.

«Земля, эти два наименования друг друга не покрывают. А я — все еще русский».

В октябре и ноябре я провел около месяца в Петрограде, был свидетелем переворота, итпавшего из Робеспьеров Керенского и водворившего наверх новую фирму. Теперь я в Москве, занимаюсь по-прежнему добыванием съестных припасов, что становится все труднее и труднее, неприятнее и неприятнее, особенно при снежной пьюге. Культурная жизнь замирает, и скоро от нее останутся воспоминания. Недавно был у меня Туницкий,² проф[ессор] М[осковской] Дух[овной] ак[адемии], которому поручено от Ак[адемии] и[аук] издавать разные материалы по Клименту Словенскому. Работа производилась типографией Троицкой Лавры, по-своему дешево. Но пот типографии попала в руки Совета солд[атских] депут[атов], цены побежали вверх, и за последний лист перед Рождеством типография назначила за один лист одного церковно-слав[янского] набора — 1000 р. Туницкий спрашивал, что ему делать. Я, конечно, советовала согласиться. Когда будет дешевле, неизвестно, да и будет ли, вообще говоря, дешевле? Типография Ак[адемии] и[аук] почти перестала работать; обе Синодальные тип[ографии], петро[градская] и моск[овская], захватили себе автономно и живут, хотя и на синод[альные] деньги, но сами по себе. Если бы и было что печатать — негде! Значит, занятия фуражировкой по нынешним обстоятельствам дело подходящее.

В Киеве, по-видимому, тише. У нас вошь: дома муниципализированы, процентные бумаги — аннулированы, фабрики и заводы социализированы; ни у кого ничего нет. К счастью, мой домикко не подходит ни под какие декреты, и я с братьями и с сестрой еще в нем полней хозяйин. Зато сам мету двор, пошу дрова и пр. Улица — без метеля; дворник, у которого приятель «депутат» (в составе рабоч[их] депут[атов]), редко выходит до ее уборки, хотя беспрестанно является за жалованьем. Сестра топит печи и готовит кушанье. Кроме дворника, живущего не у нас, а по соседству, наемных людей в нашем доме нет.

А Вы как живете? От Юлиана Андреевича³ я знаю, что Миша⁴ к Вам вернулся. Слава Богу! Какая теперь война с Германией и Австрией, когда все наши желания сводятся к войне друг с другом? Мы с Вами можем сказать, к счастью нашему, что мы сделали все

² Туницкий Николай Леонидович (1878—1934) — священник, учитель А. И. Соболевского, профессор Московской Духовной академии. Как пишет А. А. Алексеев, «юнейшей вероятности, сам А. И. Соболевский издалека до своей кончины (среди рукописей находится „Поше славяно-скифские этюды“, закончил ее А. И. Соболевским 10 мая 1929 г. — за 16 дней до смерти) передал ему те немногие архивные материалы, которые сохранялись или сохранились у него после гибели в Петрограде в 1918 г. его громадного и laborioso составленного архива. После смерти Н. И. Туницкого рукописи сберет его сын, ныне покойный Александр Николаевич Туницкий, 11 декабря 1974 г. А. И. Туницкий передал их в дар Архиву АН СССР в Ленинграде (ф. 176, оп. 1, № 54)». См. предисловие к кн.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. С. 1.

³ Кулаковский Юлиан Андреевич.

⁴ Флоринский Михаил Тимофеевич (1894—?) — младший сын Т. Д. Флоринского, участник первой мировой войны. Последние годы жизни — профессор экономических и политических наук Колумбийского университета. О нем см. также Шушарин В. П. Современная историография Древней Руси. М., 1964. С. 58—60.

что могли для счастья России и ее величия; что случилось в фев-
рале, случилось не при нашем, хотя бы мысленном, участии.

Нижайший поклон Вере Ивановне.

Преданный Вам А. Соболевский

Москва 69

Кошюшковая 8

4.1.1918

(РГБ, ф. 818, № 302, л. 102—103 об.)

III. Письмо на обрывке бланка «Товарища Председателя С.-Петербургского славян-
ского Благотворительного общества». Дата проставлена в гинюграфском тексте:
Марта «3» дня 1919 г. Зачеркнут рукой А. И. Соболевского адрес общества и
С.-Санкт-Петербурге (Землигородская, 24), но вписан московский: «Москва, Ко-
шюшковая посемь». Письмо сложено в три раза, текст на 1-й левой полосе.
Из содержания письма видно, что оно отправлено с охапкой.

Дорогой Тимофэй Дмитриевич!

Прежде всего — привет Вам и Вере Ивановне.

От [Федора] [Ивановича] Успенского¹ я имею о Вас кое-какие
сведения.

А теперь две просьбы: 1) что в Киеве известно об Антонии
м[итрополит]е, бывш[ем] Вольском,² и об Епифаньи?³ Хотелось бы
иметь что-нибудь свежее и точное; 2) когда именно скончался
Юлиан?⁴ Сообщите! Я, слава Богу, жив и здоров. В Москве го-
лодно и положение все ухудшается; все тяжелее и тяжелее жить.

Ваш А. С.

Если переписка М[осквы] с Киевом окажется возможной, я напишу
Вам пообстоятельнее.

(РГБ, ф. 818, № 303, л. 91)

¹ Успенский Федор Иванович (1845—1928) — академик, византист, славист, археолог.

² Антоний Храповицкий (1863—1936) — с 1918 г. митрополит Киевский, один из организаторов Союза русского народа. В 1917 г. участвовал в выборах патриарха и получил самое большое число голосов, однако по жребию избран Тихон. С 1921 г. — в эмиграции. Возглавлял Русскую Православную Церковь за рубежом.

³ Епифаний (Георгиевский) Василий Семенович (1868—1946) — митрополит Западнорусский Русской Православной Церкви.

⁴ Кулаковский Юлиан Андреевич.